

НИКОЛАС

БЛЕЙК

Николас Блейк
(наст. имя Сесил Дей-Льюис,
1904–1972) – знаменитый английский
поэт и критик, признанный мастер
криминального романа. Ценители
«большой» литературы называют
его гением, а миллионы читателей
наслаждаются детективами, которые
он писал для развлечения.

Любимый герой Блейка Найджел
Стрейнджуэйс – истинный джентльмен,
талантливый детектив-любитель
и прекрасный психолог.

НИКОЛАС

БЛЕЙК

«УЛЫБЧИВЫЙ
С НОЖОМ»

.....

ДЕЛО О МЕРЗКОМ
СНЕГОВИКЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б68

Серия «Золотой век английского детектива»

Nicholas Blake

THE SMILER WITH THE KNIFE
THE CASE OF ABOMINABLE SNOWMAN

Перевод с английского *Е. Дод, А. Комаринец*

Серийное оформление *В. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств
Peters, Fraser & Dunlop и The Van Lear Agency LLC.

Блейк, Николас.

Б68 «Улыбчивый с ножом». Дело о мерзком снеговике : [сборник] / Николас Блейк ; [перевод с английского Е. Дод, А. Комаринец]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 480 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-102538-0

Частный детектив Найджел Стрейнджуэйс и его «доктор Ватсон в юбке» — жена Джорджия, устав от треволнений своей профессии, решили поселиться в провинциальной глуши. Отныне они больше не ищут новых дел. Но новые дела находят их сами!

Все началось с того, что Джорджия наткнулась на таинственный медальон, принадлежащий соседу Стрейнджуэйсов — майору Кестону. Майор ведет себя странно, и Найджел подозревает, что он может быть связан с контрабандистами. Вместе с женой Найджел начинает расследование — и вскоре приходит к шокирующему выводу: похоже, речь идет о государственной измене...

Старинное имение Истерхэм потрясено: найдено тело сестры хозяина поместья. Полиция склонна предполагать самоубийство, но Найджел Стрейнджуэйс убежден: красавицу Элизабет безжалостно убили. Наиболее очевидным подозреваемым выглядит жених жертвы, знаменитый писатель Уилл Дайкс, чьи отношения с Элизабет были далеко не простыми. Однако Найджел уверен: на самом деле мотив избавиться от Элизабет имелся и у хозяев, и у гостей поместья...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Nicholas Blake, 1939, 1941

© Перевод. А.А. Комаринец, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-102538-0

«УЛЫБЧИВЫЙ
С НОЖОМ»

Посвящается Рут

Тогда увидел я, как втайне зреет
Тот темный замысел, и как его лелеет
Тот враг улыбчивый с ножом.
И видел я дома, объятые огнем,
Измену, что в постели убивает,
Войну, которая все кровью заливает.
Дж. Чосер. «Рассказ рыцаря»

Глава 1

МАТЬ МАЙОРА

Январским утром поток солнечного света вливался в низкие окна коттеджа, придавая балкам, громадному каменному камину, голландским тростниковым циновкам на плиточном полу свежий вид, как после весенней генеральной уборки. Придя на смену постоянным дождям последних нескольких месяцев, этот солнечный свет был не просто благословением, а чудом.

«Живя в деревне, — размышляла Джорджия, — ты действительно откликаешься на смену времен года: в темные месяцы впадаешь в спячку, ток крови замедляется, голова соображает медленнее, а затем в одно прекрасное утро что-то меняется на небесах, выглядывает солнце, и жизнь начинает двигаться в другом темпе. Однако я, пожалуй, одомашниваюсь, потому что совсем не хочу уезжать отсюда, и, думаю, никогда не придется». Мысль была настолько странной, что Джорджия перестала помешивать чай, и рука замерла над чашкой. Всегда, до этого самого момента, едва уловив первый шепот весны, она испытывала беспокойство: ее воображение и телесную оболочку словно магнитом тянуло куда-то вдаль, и Джорджия на этот зов откликалась, отправляясь в одно из тех путешествий, которые сделали ее знаменитой женщиной своего времени.

Сегодня Джорджия не знала, радоваться или огорчаться, что она не чувствует этого влияния. «Наверно, я просто старею, — сказала она себе. — В конце концов, мне тридцать семь лет, и в этом возрасте женщине уже пора становиться благоразумной».

От грез Джорджию пробудил Найджел, который направил ее руку с ложкой к чашке и заставил помешать чай.

— Задернуть шторы? — учтиво любопытствовал он.

— Задернуть шторы?

— Да. У тебя был такой вид, будто с тобой случился легкий солнечный удар.

Джорджия рассмеялась. «Милый Найджел — он всегда знает, что у меня на уме!»

— На сей раз ты не совсем прав. Я размышляла о том, что становлюсь домашней. А ты по-прежнему доволен, что мы переехали сюда?

— Хм. Должен признаться, последние несколько месяцев меня посещали сомнения. Жить в деревне — это одно, а жить на полузатопленном острове — совсем другое.

— Ну, положение было не настолько плохо.

— Моя дорогая, дом практически смыло водой. Штормовые ветры продувают долину, балки содрогаются, в окна хлещет дождь. Когда ты что-нибудь видела в эти окна?

— Несмотря на это, ты выглядишь замечательно, — произнесла Джорджия, с любовью глядя на мужа.

— Сидячий образ жизни всегда шел мне на пользу. И, разумеется, есть некое внутреннее достоинство в том, чтобы жить в этих форпостах империи.

— Не понимаю, как тебе удастся так расцветать, ничего не делая?

— А кто сказал, что я ничего не делаю? Я перевожу Гесиода.

— Я имею в виду, не делаешь никаких упражнений или...

— Что ты имеешь в виду — никогда не делаю упражнений? Разве я не хожу каждый вечер в паб? Если ты ждешь, что каждый день я еще и по грязи с тобой стану шлепать...

— Мне нравится это место, грязное оно или нет, — мечтательно заявила Джорджия. — Я увязую здесь. Все глубже и глубже. Как репа.

— Зная тебя, я бы сказал, что это маловероятно. А теперь давай посмотрим, какие новости пришли из цивилизованного мира.

Найджел начал вскрывать свои письма. Джорджия не получила по почте ничего, кроме каталога семян, в которой и углубилась. Вскоре она захихикала:

— Послушай-ка вот это. «Герцогиня Пармы» очень эффектна, великолепна на клумбах, оранжево-красная с желтыми краями». Не завести ли нам в саду «Герцогиню»? Судя по описанию, она в твоём вкусе.

— Какое необычное письмо! — воскликнул Найджел через несколько минут.

— Дорогой, — вздохнула Джорджия. Это было самым худшим в браке с частным детективом. Невозможно предсказать, когда как снег на голову свалится письмо и Найджел окажется вовлечен в какую-нибудь причудливую и запутанную криминальную загадку. Да и в тех крупных гонорах, которые он получал, они практически не нуждались. От дела к делу Найджела вело лишь его ненасытное любопытство. — Что на сей раз? Убийство? Или небольшой шантаж?

— Ни то, ни другое. Это по поводу твоей живой изгороди.

— Живой изгороди?

— Послушай, и я тебе объясню. — Держа перед собой опечатанный бланк, Найджел Стрейнджуэйс начал читать: — «В соответствии с положениями парламентского акта — пом-пом-пом — я, нижеподписавшийся, инспектор по наблюдению за состоянием шоссе — пом-пом — настоящим уведомляю вас и требую, чтобы вы немедленно

укоротили, подрезали и подровняли вашу живую изгородь, примыкающую к дорогам графства — пом-пом, — а также подстригли боковые стороны, находящиеся поблизости от дорожной насыпи, и молодые побеги сверху на означенных изгородях, по крайней мере, перпендикулярных долине, и укоротили, срезали или обрубили ветви деревьев, кустов и густых посадок — пом-пом-пом, — таким образом, чтобы они не наносили ущерба означенным дорогам в виде тени, и солнце и ветер не лишались бы возможности проникать туда из-за них, и убрали срезанный с них материал». Пом. Ну, разве не великолепно? Язык Мильтона. Кто бы мог подумать, что в душе инспектора по наблюдению за состоянием шоссе таится такая поэзия? — «...чтобы они не наносили ущерба означенным дорогам в виде тени, и солнце и ветер не лишались бы возможности проникать туда из-за них».

Найджел начал напевать эту фразу на мотив речитатива.

— Что случится, если мы послушаемся инспектора по наблюдению за состоянием шоссе?

— На нас пожалуются мировому судье.

— Ну слава богу, — усмехнулась Джорджия. — Я-то сначала подумала, что нам грозит новая неприятность.

И так оно и было, хотя ни один из них просто не мог этого предвидеть. Кому придет в голову, что уведомление из Совета сельского округа может причинить какие-то неприятности, не говоря уже о том, чтобы изменить ход истории, или что можно спасти Англию подрезанием живой изгороди. Однако так и получилось. Впоследствии Джорджия видела эти грандиозные события словно балансирующими, как ангелы схоластов на кончике иглы, на нескольких крохотных и сомнительных условиях. «Если бы мы купили коттедж в любом другом месте Англии, нам не пришлось бы подстригать живую изгородь самим, поскольку Девоншир — единственное графство, где землевладельцы по-прежнему обязаны подстригать свои изгороди, выходящие на дорогу. Если бы солнце не

выглянуло в то утро, я, вероятно, оставила бы эту работу садовнику. Если бы любой другой человек подстригал ее, то, скорее всего, не заметил бы медальона — Найджел часто повторял, что от моего глаза ничто не ускользает, — бедненький, сам он такой близорукий; и даже если бы его нашли, только обладающий любознательностью моего мужа человек взял бы на себя труд внимательнее рассмотреть его. А говоря о любознательности, стоит ли забывать о сороке? Наверняка всю эту кашу заварила она. Да, если бы у этой сороки не случился приступ kleптомании, медальон никогда не попал бы в живую изгородь. Что лишь доказывает, что порой преступление совершается к пользе...»

Светившее в окно коттеджа солнце усиливало бледность Найджела. Подобно многим другим чертам его внешности, например, взерошенным волосам цвета пакли или по-детски надутой нижней губе, бледность эта была обманчива. На здоровье Найджел никогда не жаловался, в характере его не было ничего ребяческого: вы понимаете это, едва встретившись с ним взглядом, — на вас смотрят немного отстраненно умные, добрые глаза, которые в любой момент готовы сузиться, вспыхнув самым пристальным вниманием. Джорджия прекрасно знала, каким самодостаточным человеком был ее муж, однако порой ей нравилось притворяться, будто он нуждается в уходе, а Найджел подыгрывал жене со сдержанной, полной любви насмешливостью.

Сейчас Джорджия думала: «Разве я смогу когда-нибудь оставить мужа? Он так во мне нуждается. Но, предположим, мне опять приспичит куда-нибудь отправиться, а такое желание может возникнуть в любой момент. Я должна заранее против него вооружиться».

— Совершу-ка я, пожалуй, сама набег на изгородь, — произнесла она. — Сегодня утром.

Найджел что-то помычал в ответ, уткнувшись в газету. Джорджии вдруг захотелось довести до его сведения свое

настроение и вытряхнуть из кокона безмятежного спокойствия.

— Ты не будешь возражать, если я тебя покину, Найджел?

Он снял очки в роговой оправе и с интересом посмотрел на жену:

— Ради другого мужчины? Я бы сказал, что буду весьма рассержен.

— Я имею в виду, что снова отправлюсь путешествовать.

— Ты говоришь о какой-то конкретной экспедиции?

— Не совсем. Но...

— Полагаю, я прекрасно справлюсь один, — ответил Найджел. — Однако время до твоего возвращения будет долго тянуться.

Наклонившись, Джорджия поцеловала его в макушку.

— Я счастлива, что вышла замуж за тебя, а не за кого-нибудь другого, — прошептала она.

«Да, — думала Джорджия через несколько минут, надевая старый плащ для работы в саду и свободные кожаные перчатки, — мне действительно повезло. В мире нет другого человека, который устоял бы перед искушением указать мне на мою непоследовательность — сначала я говорю, что хочу быть репой, а потом бормочу что-то насчет желания отправиться на край света. Что такого привлекательного находит во мне Найджел?» — размышляла она, радостно изучая в зеркале свое маленькое, с неправильными чертами лицо; его живое выражение могло с поразительной быстротой смениться обаятельной в своей уродливости печальной миной. «Она похожа на призрак обезьянки шарманщика», — однажды сказала одна из ее подруг. В самую точку и не без лести, подумала Джорджия, строя себе в зеркале гримасы. Очень скоро ей предстояло узнать, насколько до странности пророческим был тот нелепый разговор с Найджелом.

А пока был только солнечный свет и поля, складками спускающиеся с холма, словно зеленое платье. Узкая до-

рога из деревни тянулась мимо их коттеджа и взбиралась на выступ холма; этим путем можно было добраться до моря, преодолев пять миль ухабистой дороги. Автомобилисты обычно бросали взгляд на ее пугающие неровности, и, если им удавалось развернуть машину, торопились вернуться на основное шоссе. С того места, где Джорджия стояла, на высокой насыпи над дорогой, она видела беленый коттедж под тростниковой крышей, серебристые извивы реки в долине внизу, а за ней — волны зеленых и коричневых холмов, простиравшихся до горизонта. Все дышало миром и покоем. Ни звука или движения, кроме отдаленного грохота экспресса, спешившего на запад по той стороне долины; белый дымок лежал на его спине, как страусовое перо. Джорджия взяла секатор и принялась за живую изгородь.

Там и нашел ее Найджел, когда через час вышел из дому прогуляться. Он стоял на дороге, глядя вверх на жену. Темные волосы упали ей на лицо, смугловатая кожа покраснела от физической нагрузки. Джорджия буквально вгрызалась в изгородь, совершенно не подозревая, что за ней наблюдает муж.

— Все еще прорубаешь наш путь сквозь девственный подлесок? — вежливо осведомился он.

Джорджия быстро обернулась, произвольно убирая назад и приглаживая волосы.

— Боже! Работа трудная. Наверно, я похожа на Медузу.

— Если бы мрамор мог краснеть, он был бы похож на тебя.

Джорджия спрыгнула с насыпи на дорогу. Поскользнувшись, она сдвинула серо-зеленые и рыжие залежи листьев в канаве и, восстановив равновесие, заметила среди них какой-то неяркий блеск. Наклонившись, подняла маленький круглый металлический предмет, потускневший из-за пребывания под открытым небом до цвета палой листвы.

— Смотри, что я нашла! Скрытое сокровище.

Найджел взял предмет и с любопытством оглядел его.